

Ч А С Т Ь Т Р Е Т І Я .

П И С Ь М А

ЙОРИКА КЪ ЭЛИЗѢ

И

ЭЛИЗЫ КЪ ЙОРИКУ.

П И С Ь М О I.

Йорикъ къ ЭлизѢ.

Съ сею записочкою Элиза получишь мои книги. — Проповѣди произвели пламенную рѣкою изъ моего сердца: желалъ бы я, чшобы сіе давало мнѣ право ихъ поднести ей. — Прочія мои сочиненія произошли изъ головы моей, и я равнодушнѣе къ ихъ пріему.

Не знаю, какъ это сдѣлалось, только я *логти* влюбленъ въ мою Элизу — Я долженъ бы *вовсе* въ нее влюбиться; ибо ни въ комъ не видалъ я больше доспойныхъ качествъ, и никогда не почиталъ и не знавалъ женщины, о которой бы

лучше можно было мыслить, какъ
объ Элизѣ. — Прощай.

Твой преданнѣйшій слуга

Л. Стернъ.

П И С Ъ М О II.

Элиза къ Йорикъ.

Мой браминъ!

Я получила *чувствительное* ваше *Путешествіе*. Удивляюсь силѣ вашего воображенія; оно возбудило во мнѣ такія чувствованія, къ копорымъ я не считала себя способною. Вы дѣлаете меня горделивою, и заставляете любить собственную мою чувствительность.

Я окропила слезами прогашельныя страницы вашего повѣствованія: но — то были слезы удовольствія; сердце мое, какъ сказать, выливалось изъ глазъ моихъ. — О! вы пробудили во мнѣ всѣ благородныя чувствованія души.

Пусть, по которому вы слѣдуете, есть самый просвѣтлѣйшій къ разширенію предѣловъ ума человѣческаго. — Вы убѣждаете разумъ, шрогая сердце. — Величайшая похвала для авшора, вздохи и слезы чисташелей: — сколькожъ похвалъ сего рода надавала я вамъ!

Прошу васъ, ешъли вы меня уважаете, не ласкашъ мнѣ — Я и шакъ шщеславна: а похвала разумнаго человѣка съ лишкомъ опасна.

Есмь, во всемъ прощранствѣ сего слова, другъ вашъ

Элиза.

П И С Ъ М О Ш.

Йорикъ къ Элизѣ.

Я не могу бышъ спокоенъ, Элиза — хошя могу и самъ пришши къ шебъ около обѣда — пока не узнаю о швоемъ здоровьѣ. При пробужденіи швоемъ, да улыбнешся любезное лице швое, какъ улыбаешся

теперь на горизонтѣ восходящее
солнце!

Вчера я очень испугался и за-
печалился, услыша, что ты зане-
могла; и мнѣ досадно, что я не
могу теперь же пойти къ тебѣ. —
Припомни, любезная Элиза, что другъ
имѣетъ поже право, что и врачъ. —
Городской Эшикетъ, скажешь ты
мнѣ, предписываетъ иначе. — Что
въ томъ? — Приличность и благопри-
стойность не всегда состоятъ въ
наблюденіи хладныхъ его предпи-
саній.

Я иду къ пріятелю на завтракъ;
въ одиннадцать часовъ буду назадъ,
и надѣюсь найти спрочку швоей
руки, которая мнѣ скажетъ, что
тебѣ лучше, и что ты желаешь
видѣшь

Твоего Брамина.

Въ девять часовъ.

 П И С Ъ М О IV.

Элиза къ Йорикъ.

Мой Браминъ!

Съ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что мнѣ лучше;—пошому что сіе увѣдомленіе, думаю я, принесетъ вамъ удовольствіе.

Другъ, говорите вы, имѣетъ поже право, что и врачъ. — Вы сугубое имѣете право, и какъ другъ, и какъ врачъ: врачъ почтеннѣйшій, врачъ души! И такъ приди навѣстивши Элизу и принеси съ собою наилучшее врачевство сердца:—чувствованіе. Еслили бесѣда ваша не прогонитъ мою болѣзнь, но заставитъ меня позабыть, что я больна. По крайней мѣрѣ я увѣрена, что я не буду чувствовать никакой боли, пока вы со мною будете.

И такъ видѣшь васъ есть не шолько желаніе, но и польза

Элизы.

Въ десять часовъ.

ПИСЬМО V.

Йорикъ къ Элизѣ.

Элиза! я получилъ послѣднее твое письмо вчера въ вечеру, возвращаясь отъ Лорда Башорста, гдѣ я обѣдалъ, гдѣ я говорилъ цѣлый часъ непрерывно о тебѣ. Добринькой старичокъ Лордъ слушалъ меня съ такимъ удовольствіемъ, что три раза прикусывалъ за свое здоровье.

Хотя онъ переспустилъ за восьмой уже десятокъ лѣтъ: однакожь, по словамъ его, онъ надѣется прожить еще сколько, чтобъ сдѣлаться другомъ прекрасной моей Индійской ученицы, и увидѣшь, какъ она зашипитъ сокровищами всѣхъ женъ Набаба, такъ какъ она превосходитъ ихъ красою, и что еще лучше, достоинствомъ. — И я также сего надѣюсь. — Сей Лордъ мой старый другъ. — Ты знаешь, что онъ всегда былъ покровителемъ людей разумныхъ и достойныхъ; у него всякой день за столомъ бывали наши мудрецы прошлаго вѣка. Ад-

дисонъ, Спиль, Попъ, Свифтъ, Пріоръ и проч. Образъ, какимъ онъ со мной познакомился, сколько вѣжливъ, столько и сшраненъ. Въ одинъ день, какъ я былъ съ моимъ почтеніемъ у Принцессы Валлійской, онъ подошелъ ко мнѣ. — Мнѣ хочешся съ вами познакомиться, г. Спернъ, сказалъ онъ; но напередъ надобно вамъ узнать, кто я таковъ. Вы слышали, продолжалъ онъ, о шаромъ Лордъ Башорсшъ, котораго воспѣвали ваши Попы и Свифты: я жилъ съ этими людьми, но я ихъ пережилъ; и опчаясь найши имъ равныхъ, нѣсколько шому лѣшъ. закрылъ я мои книги, вѣ намѣреніи не опкрывать ихъ никогда: но вы родили во мнѣ желаніе еще опкрышь ихъ, пока я не умеръ: — прошу пожаловать ко мнѣ опкушать.

• Признашья, Лордъ эшошъ чудо: ибо вѣ такія лѣша имѣешъ весь умъ и острошу тридцатилѣшняго человека Онъ обладаетъ, вѣ высочайшемъ степеніи, сшасливымъ даромъ нравишья людямъ и ихъ любишь:

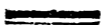
прибавь къ сему, что онъ просвѣщенъ, вѣжливъ и чувствителенъ.

Онъ слушалъ меня о тебѣ, Элиза, съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Съ нами былъ еще одинъ шрецій, который также чувствителенъ; и мы, до девяти часовъ вечера, провели день самый *чувствительный*. Но ты, Элиза, была управляющею нами звѣздою; ты была душа нашихъ разговоровъ; — и когда, я и переставалъ о тебѣ говорить, то ты же наполняла мое сердце, ты оживляла каждую мысль, изшедшую изъ сердца: я не стыжусь признаться во всемъ, чемъ я тебѣ долженъ. — Превосходнѣйшая женщина! мученія, копорыя я сносилъ за тебя, во всю прошедшую ночь, превосходящъ силу выраженія. — Безъ сомнѣнія, небо даетъ намъ силы, соразмѣрныя съ шѣмъ бременемъ, копорое на насъ налагаетъ. — О дочь моя! всѣ муки, какія только могутъ родиться отъ сугубаго перзанія и души и шѣла, обременили тебя, и ты однакожъ сказываешь

миѢ, что тебѢ спало лучше. — Лихорадка прошла; боль швоя въ боку миновалась: о! да исчезнутъ шакже и всѢ скорби, прерывающія блаженство дней Элизы! — или могущія хошя на минушу возмушить ея спокойствіе! — Не бойся, — Надѣйся всего, Элиза; — моя горячность прольешъ цѣлебный бальсамъ на швое здоровье; она подастъ тебѢ насладиться вѣчною весною юности и веселія, сверхъ самаго ожиданія швоего.

И шакъ ты посшавила на швое бюро портретъ швоего Брамина, и хочешъ совѣшываться съ нимъ въ швоихъ сумнѣніяхъ, въ швоихъ опасеніяхъ. — Признашельная, добрая дочь! Иорикъ улыбаешся съ удовольствіемъ на все, что ты ни дѣлаешъ: но — сей портретъ не можешъ исполнить, во всемъ пространствѣ, усердія Иорикова.

Сколь достоинъ тебѣ эшотъ планъ жизни, кошорый ты къ препровожденію швоего времени начертала! — Истинно, Элиза, ты не оста-

вляешь мнѣ ничего сдѣлать для себя, ничего поправишь, ничего пошребовать — кромѣ продолженія сего достойнаго поведенія, которое пріобѣло тебѣ мое почтеніе и сдѣлало меня навсегда твоимъ другомъ.

Скоро да возвращаешься розы на свои лавишы, и цвѣтъ рубина на свои уша! Но повѣрь мнѣ, Элиза, что мужъ твой — естли онъ чело-вѣкъ добрый и чувствительный, какъ-то я желаю чшобъ онъ былъ, — прижмешь тебя къ груди своей съ благороднѣйшею и живѣйшею горяч-носью; онъ облобызаетъ блѣдное и опалое лице твое съ большимъ вос-торгомъ, нежели тогда, когда ты была во всемъ цвѣтѣ красы твоей. — Онъ долженъ такъ поступить — или онъ жалокъ! — Чувства его очень снранны, естли онъ не чув-ствуешь всей цѣны шоль милаго шворенія, какъ ты.

Радъ бы я былъ, чшобъ гжа. Лайтъ была твоею снутницею; она можетъ усладить минушны скуки — Я радуся, слыша, что машросы ваши

люди добрые — Ты уживешься, Элиза, со всѣми, и прошивными швоему милому и шихому праву — Онѣ укрошишь и дикихъ: но жалкобѣ было, есшьлибѣ возложили на тебя эшу должносшь! — Какѣ можешъ шы искашь извиненій, вѣ послѣднемѣ швоемѣ письмѣ? Оно для меня любезнѣе, по шому самому, вѣ чемѣ шы оправдывашься хочешъ. Пиши всегда ко мнѣ шакія, любезная моя; дай имѣ выражашься сѣ легкою нерадивосшью сердца, само собою раскрывающагося. — Сказывай все. — какѣ — для чего; — не скрывай ничего отѣ человекѣ, который заслуживаетѣ швою довѣренносшь и уваженіе. — Такія письма я пишу къ Элизѣ. — Такимѣ образомѣ я вѣ соспоянтіи буду жить сѣ шобою безѣ хипросши, исполненный живѣйшей горячносши, есшьли Провидѣніе доволитѣ намѣ обшпашъ вѣ одной части свѣша.

Есмь, сколько честъ и привязанносшь моя мнѣ бышь позволяющѣ,

Твой Браминѣ.

ПИСЬМО VI.

Элиза къ Йорикъ.

Благодѣтельный Йорикъ.

Я прочла письмо ваше, какъ я обыкновенно читаю всѣ, входящія отъ васъ, съ истиннымъ удовольствіемъ. Благодарю васъ за ваше описаніе этого добраго и почтеннаго Лорда. — Полдюжины такихъ людей, какъ онъ, опняли бы у старости нареканіе невѣжливости, ей приписываемой, и сдѣлали бы ее желательнѣйшимъ періодомъ жизни.

Общество, какое сей Лордъ умѣлъ себѣ сослать, и особы избранныя имъ въ друзья себѣ, довольно доказываютъ въ немъ здравый его разумъ: — довольно одного этого случая, какъ онъ свелъ съ вами знакомство, чтобы сдѣлать имя его почтеннымъ.

Я благодарна Лорду Башорешу за его доброе обо мнѣ мнѣніе: но я шучу сіяю заемнымъ только свѣтомъ; похвалы его принадлежатъ единственно лучшему изображенію,

какое воображеніе ваше вмѣсто меня ему предспавило, и опѣ васѣ получила я пошѣ блескѣ, которыми угодно сему Лорду ослѣплять себя.

Вы сказали весьма справедливую испинну, что небо даруешѣ намѣ силы, соразмѣрныя съ налагаемымѣ на насѣ бременемѣ. — Я это очень испышала. — Я видѣла, что бодрость моя съ болѣзнью возрашала, и въ то время, какѣ здоровье мое ослабѣвало, упованіе мое на Провидѣніе спановилось горячѣе.

Но мнѣ лучше: слава Богу. — Вы увѣщеваете меня надѣяшся. — Я надѣюсь. Надежда естѣ цѣлишельный бальсамѣ для души моей. — Крошкимѣ образомѣ она усыпляешѣ скорби мои.

Время приходишѣ, что мнѣ должно оспавишѣ Англію — Естѣлибѣ и вы со мной поѣхали! Бесѣда ваша сократила бы часы скуки; она укрошила бы свирѣпость волнѣ. — тогда не было бы для меня страха на сей спрашной стихіи, кошоной я ввѣряюсь; — Я не страши-

лась бы опасностей, окружающихъ пловучую мою шемницу.

Но за чѣмъ желашь мнѣ, чтобы вы оставили мирное ваше уединеніе и спокойную жизнь, дабы предаться невѣрной спихѣи, и самому искашь бурнаго неба? — Ужасная мысль! — Элиза должна довольствовашься тѣмъ, что понесешь въ сердцѣ своемъ образъ Йорика, что скроешь въ душѣ своей сладкія наставленія своего друга. — Сей живой образъ защититъ ее отъ переизбыточности климашовъ, отъ угрожающихъ волнъ. тогда будешь она, въ истинномъ смыслѣ сего выраженія,

Элиза Йорикова.

П И С Ь М О VII.

Элиза къ Йорикѣ.

Нѣжный Йорикъ!

Нервы мои такъ слабы; рука такъ дрожитъ, что я не знаю: можете ли вы прочесть и поняшь мое

варанѣе. — Мнѣ очень дурно, — истинно очень дурно.

Завидѣшельсшуйше дружеское мое напоминаніе г. Джемсу и его супругѣ; — они оба въ моемъ сердцѣ; они равную имѣющѣ часть, въ искренней моей дружбѣ, съ моимъ Браминомъ. — Да сохранишѣ всѣхъ васъ Господь отъ жестокихъ испытаній того, чемъ онъ поразилъ слабое и страдающее существо мое!

Но не думай, Йорикъ, чшобы я ропшала — Нѣтъ — Благодарѣшельный Боже! Благодарю Тебя за мои мученія. — Ты наказуешь меня для блага моего — Высокомѣрная душа моя заблудилась въ льспиныхъ воображеніяхъ будущаго — Ты возвращаешь ее, дабы обратишь вниманіе ея на шу почку въ кошорой она живешѣ.—О! сохрани меня, Боже, отъ грѣха ропшанія! — Я прошу у тебя шокмо силъ къ понесенію болѣзней моихъ съ шерпнѣемъ.

Вся фамилія Н. Н. посѣшила меня; они очень любезные люди, и я ихъ столькоже люблю, сколько ува-

жаю. Какъ они пронуты были моимъ состояніемъ! Я думаю, они чувствовали оное сильнѣе, нежели я.

Со мною дѣлается странный обморокъ, и я прекращаю мое письмо: прощайте.

Элиза.

П И С Ь М О VIII.

Норикъ къ Элизѣ.

Я пишу къ тебѣ, Элиза, сидя у г. Джемса, пока онъ одѣвается: милая его супруга сидитъ возлѣ меня, и также къ тебѣ пишетъ. — Передъ обѣдомъ я получилъ горестную твою записочку. — Дѣйствительно горестно, любезная Элиза, читать такое печальное описаніе твоей болѣзни — довольно чувствовала ты мукъ, и безъ сего приращенія скорби; и я боюсь, чтобы нѣжная твоя душа, равно какъ и шѣло, не пала подъ бременемъ, безъ надежды изцѣленія. — Да подастъ те-

бѣ Господь мужество къ перенесенію сего! —

Мы только о тебѣ говорили, Элиза, о твоихъ крошкихъ качествахъ, о твоёмъ милымъ нравѣ; мы говорили объ эпосѣ съ самаго объѣда. Гжа Джемсъ и твой Браминъ болѣе съ разѣ смѣшивали слезы свои, разговаривая о твоихъ страданіяхъ, о твоей кротости, и о твоихъ пріятностяхъ.

Н. Н. — я тебѣ истинно говорю — люди коварные. Я столько объ нихъ слышался, что я при единомъ произношеніи ихъ имени содрогаюсь. — Какъ можешь ты терпѣшь ихъ Элиза, съ такими худыми мыслями, какія они о тебѣ имѣютъ? — Мнѣ кажется, я довольно тебѣ объ нихъ сказывалъ; что долженствовало бы произвести въ тебѣ совершенное къ нимъ презрѣніе до конца твоей жизни: а ты пишешь ко мнѣ, и говорила наедини гжѣ Джемсъ, что ты вѣришь, что они тебя горячо любятъ — Любовь къ тебѣ Гжи Джемсъ, скромность

ея, и опасеніе возмушишь покой швой
 заспавили ее умолчать о явнѣйшихъ
 доказательствахъ ихъ подлости. —
 Ради Бога, не пиши къ нимъ, не
 марай прекрасной швоей души со-
 обществомъ съ такими развращены-
 ми сердцами. — Они любящъ те-
 бя, ты говоришь. — Какія имѣешь
 ты на то доказательства? Дѣлали
 ихъ то показываютъ? — Показали
 ли они себя чувствительными къ
 швоей чести? — Нѣтъ — Но они
 плачущъ, говорящъ нѣжности — Богъ
 съ ними, съ этими ихъ лицемер-
 ствами! — Добродѣтельная душа Гжи
 Джемсъ возмущается при одной шой
 мысли, что ты хочешь сама къ нимъ
 ѣхать. — Я люблю тебя, я почи-
 таю тебя за каждый швой посту-
 покъ, кромѣ сего слѣпаго приспра-
 снїя къ людямъ, не снующимъ и од-
 ного швоего взгляда.

Проси усердію моему, любез-
 нѣйшая дочь; позволь мнѣ эту воль-
 ность, которую я прїемлю; она про-
 исходитъ отъ шой великости люб-
 ви, которую я имѣю, которую се-

храню къ тебѣ по часѣ моей смерти. Подумай Элиза: какая причина мнѣ давать тебѣ безпрестанно совѣты? Могу ли я имѣть какую причину, кромѣ сказаннаго мною побужденія?

Я почишаю, что ты превосходная женщина, и что тебѣ не доспаетъ только швердости и лучшаго о себѣ мнѣнія, чтобъ быть наилучшею женщиною въ свѣтѣ.

Я желалъ бы удалишь тебѣ частичку той гордосши, которую не пріятели твои тебѣ приписываютъ; ибо я счишаю, что въ добромъ сердцѣ такая горделивость производитъ добрыя дѣйствія.

Можетъ быть, я больше не увижу тебя, Элиза; — Но ласкаюсь, что ты иногда съ удовольствіемъ будешь вспоминать обо мнѣ; ибо ты должна быть увѣрена, что я тебя люблю, и пріемлю въ добротѣ твоей столько учасія, что я съ меньшею горестію слышать буду извѣстіе о какомъ нибудь случившемся съ тобою несчастіи, не-

жели о малѣйшей измѣнѣ шого почтенія, коимъ шы сама себѣ должна. — Я не могъ скрышь сего увѣщанія въ груди моей. — Оно вырвалось изъ меня. — И шакъ, прощай; небо да блюдетъ мою Элизу!

Твой Йорикъ.

П И С Ь М О IX.

Элиза къ Йорикъ.

Мой Браминъ !

Я чувствую себя севодни гораздо лучше, и голова моя спокойнѣе.

Примите мою благодарность — засвидѣтельствуйте оную Г. и Гжѣ. Джемсъ — за нѣжное участіе, какое вы всѣ принимали въ моей болѣзни. — Хошя изъясненія мои очень слабы: но сердце мое шѣмъ не меньше исполнено благодарности.

Вы обманушы, любезный Йорикъ — Я не могу согласиться, чшобъ N. N. — заслуживали шу суровость, съ какою вы ихъ принимаете. — Я

не могу ни о комъ думать худо, не имѣя на что причины. — Бѣдное это состояніе, чшобъ бышь рабомъ подозрѣнія. — Я увѣрена, что мой Браминъ ни о комъ не спанешъ мыслишь худо, безъ основательной причины. — Но можно обманушь его. — Сердце его такъ добро, такъ открыто, такъ искренно, что могли ему предсшавишь Н. Н. въ ложномъ видѣ.

Севодни я буду всю скучать вамъ. — Я имѣю въ васъ нужду для исполненія нѣкошорыхъ моихъ надобностей. — Извинише вашу Элизу; она не смѣешъ васъ симъ прудишь, но не можешь никому довѣришься, кромѣ васъ.

Хощѣлось бы мнѣ, чшобъ вы достали ошъ г. Зумпса нужные адресы, для вѣрной пересылки ко мнѣ моего Форшопіано. — Его гармонія усладитъ горестъ мою въ моемъ пушешествіи.

Желалабъ я имѣшь дюжину мѣдныхъ крючковъ съ виншиками къ

моему кабинету, чтобы вѣшать на нихъ разныя нужныя вещи.

Также надобна мнѣ бѣлая книга для журнала, куда бы вписывалъ разсужденія мои, которыя вдохнешъ мнѣ моя меланхолія, въ продолженіе моего путешествія.

Кресла тоже были бы для меня не безнужны.

Я надѣюсь, что вы не откажетесь все это прислать мнѣ, адресуя *Г. Абраму Валкеру, корабельщику въ Дилъ.*

Хотя здоровье мое спановишся со дня на день лучше, но духъ мой не получилъ еще всего своего спокойствія. — Но я не хочу сучать симъ другу моему, который шакъ чувствительнѣе принимаетъ все, что до меня касается.

Изъявите искреннѣйшее мое почтеніе Гжѣ Джемсъ; — Это весьма милая и любезная женщина. — Мое почтеніе Гну. Джемсу. — Да низпошлетъ небо на нихъ обоихъ свои благословенія. — Улыбка радости, здра-

вѣя и благоденствѣя да послѣдуетъ за ними непрестанно!

Богъ есть вѣчный, мой помощникъ; къ нему прибѣгаю я для полученія силъ, кои мнѣ нужны; и пока я дышашь стану, взоры мои будутъ обращены къ тебѣ Йорикъ. — Ты мой наставникъ, другъ мой, Ангелъ Хранишель. — Да продолжается взаимная наша привязанность другъ къ другу, въ чистотѣ и постоянствѣ своемъ, до разрушенія плѣнныхъ стѣлъ нашихъ. — Но естли будетъ когда существовать какой союзъ между душами: то да насладимся мы онимъ нѣжнѣйшимъ, небеснымъ восторгомъ, вкушаемымъ только Ангелами, когда они участвуютъ во славѣ вѣчнаго ихъ Создателя!

Да наслаждаешься ты, мой Йорикъ непрерывнымъ благоденствіемъ, до того самого мгновенія, какъ Ангелъ смерти возхититъ тебя на крилахъ своихъ въ страны блаженства! — Прости

Элиза.

П И С Ь М О Х.

Йорикъ къ Элизѣ.

Къ комужъ моя Элиза можетъ обратиться въ своихъ печаляхъ, въ своихъ желаніяхъ, какъ не къ другу, ее нѣжно любящему? — За чемъ, Элиза, ищешь ты прикрышь извиненіями пріятную должностъ, кошорую ты на меня налагаешь? Йорикъ обидѣлся бы, и справедливо обидѣлсябъ, естлибъ ты другому поручила шъ комиссіи, кошорыя и онъ исполнишь можетъ.

Я видѣлся съ Зумпсомъ, и швое Форшопіано будетъ наспроено и перешлется къ тебѣ вѣрно, безъ всякаго сумнѣнія. Я посылаю также ключъ и пару щипчиковъ, чтобъ навивать и настягивать струны. — Да произведетъ каждая изъ нихъ своимъ дрожаніемъ въ душѣ швоей отзвѣвъ сладчайшей надежды!

Также купилъ я для себя десятокъ прекрасныхъ мѣдныхъ крючковъ: — Ихъ было дюжина; но я укралъ у себя два, чтобъ прибить

ихъ въ мою собственную хижину въ *Консульдѣ*. — Никогда не повѣшу я моей шляпы, никогда я не сниму ея съ нихъ, чшобъ не вспомнишь о тебѣ. — Также я купилъ два крючка желѣзныхъ, копорые будутъ крѣпче мѣдныхъ, чшобъ въшашь твои глобусы.

Я пишу къ Абраму Валкеру, что я отпраляю къ нему посылку, и прошу его взять ее, какъ скоро почтовая коляска въ Диль прѣѣдетъ; — также я посылаю ему образецъ креселъ, какія для тебѣ покойнѣе, и прошу его купить по оному, какія только лучшіе найдутся въ Дилѣ. — Все эшо получишь ты съ первымъ судномъ, копорое онъ отправитъ.

Я бы желалъ, Элиза, такимъ же образомъ удовлетворишь и всѣ твои желанія; эшо было бы для меня прѣятнѣйшая должность. — Книга для журнала есть, какой ты желала; недостаешь только въ ней прекрасныхъ мыслей, копорыми она наполнена быть должна. — Любезнѣй-

шая и несчастнѣйшая женщина! —
Образецъ крошости и терпѣнія! —
Я больше, нежели жалѣю о тебѣ;
я шеряю даже и философію мою и
швердосшь, когда помышляю о твоихъ
несчастіяхъ. —

Не думай, чшобы я судилъ спро-
го N. N. — я имѣлъ причину: —
при томъ же, доброе сердце не мо-
жешъ любишь злыхъ. — Нѣтъ, ни-
какъ не можешъ: — но оставимъ
эшу непріятную машерію.

Севодни ушромъ былъ я у Гжи.
Джемсъ; она весьма горячо тебя лю-
бишь; она безпокоишся о тебѣ,
Элиза; говоришь, чшо ты кажешся
ей шѣмъ печальнѣе и груснѣе,
чѣмъ ближе приходишь твой отъ-
ѣздъ, и жалѣешъ о тебѣ; — Я не преми-
ну навѣщать ее каждое воскресенье,
пока пробуду въ городѣ. — Какъ сіе
письмо пишу я къ тебѣ, можешъ бышь,
уже послѣднее; шо сердечно здѣсь съ
тобой прощаюсь. — Богъ благосни да
блюдешь дни твои, и да будешь твоимъ
покровишелемъ, когда ты ше-

перъ безъ защиты! И, для вседневнаго своего утѣшенія, впечатлѣній глубоко въ сердце свое сію истинну: что какая бы ни опредѣлена тебѣ была мѣра скорби и печали, она будешь вполнѣ вознаграждена равною мѣрою блаженства отъ того Существа, которое ты столь разумно избрала вѣчнымъ своимъ другомъ.

Прости; прости, Элиза: пока я живъ, положишь на меня Элиза, какъ на усерднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго изъ земныхъ твоихъ друзей.

Йорикъ.

ПИСЬМО XI.

Элиза къ Йорикъ.

Любезный Браминъ!

Севодни день моего рожденія, и мнѣ минуло двадцать пять лѣтъ: но годы, когда они прошли, кажутся только часами; — однѣ минушы горести мы счисляемъ; ихъ шягосшь

насъ обременяешь; медленно текутъ они; съ лишкомъ медленно для нашей воли, хотя постоянное ихъ печеніе похищаетъ у насъ часть нашего существованія. — Но часы радости какъ скоры! — всѣ удовольствія наши суть только минутный сонъ.

Коль ужасна быстрота времени для духа, пишущагося сомнѣніемъ и порокомъ, — Когда каждое мгновеніе отнимаешь у него любезное бытіе и уносишь съ собою! — Куда? Онъ не знаетъ — Въ ничтожество, говоришь онъ: но самое сіе ничтожество устрашаетъ его: — шаково положеніе Сцепщика (*).

Но быстрый полетъ времени не возмущаетъ души, посвящающей добродѣшель любезнѣйшимъ своимъ утѣшеніемъ — добродѣтельный человѣкъ безъ трепета приближается къ тому часу, который долженъ о-

(*) Сцепщиками называются господа философы, сомнѣвающіеся и о бытіи вѣчности, и о бытіи души, и, такъ сказать, о бытіи ихъ самихъ:

свободишь его отъ земной его шемницы и отъ скорбей смертности. — Время кажется ему непріяшелемъ, заграждающимъ ему путь въ небесныя страны блаженства.

Время, которое я прожила, есть, ничто; оно уже не принадлежитъ мнѣ; — это почка, впечатлѣнная только въ памяти.

И такъ я должна заниматься только шѣмъ временемъ, которое мнѣ прожить осшалось; — я должна вывести добродѣшель изъ всѣхъ прежнихъ моихъ заблужденій: --- дай Боже, чтобы каждое обновленіе солнца видѣло меня возрастающею въ чистотѣ нравовъ, и сіяющею въ бѣльшей и бѣльшей добродѣтели, пока удостоена я буду того состоянія, которое есть самая чистота!

Я преклоняю голову мою подъ бременемъ скорби съ терпѣніемъ и преданностію; --- я благодарю верховнаго виновника естества, что

онъ посылаетъ мнѣ шоль полезныя извѣщанія.

Добродѣшель довольна и тогда, когда небо и во гнѣвѣ; — сей гнѣвѣ провозвѣщаетъ улыбку благосши. --- День, въ слезахъ проведенный, прознаменуешь годъ радости: несчастія посылающся намъ для исправленія нашего, а не для сокрушенія. --- Чувствующій острѣ часа напасши, находить оное средствомъ, сообщающимъ ему силу къ лучшему перенесенію бѣдсшвія.

Да благословить небо друзей и враговъ моихъ, и да подастъ мнѣ миръ душевный!

Элиза.

Ма сіе лисьмо или не было отвѣта, или оный не отысканъ.

ПИСЬМО XII.

Йорикъ къ Элизѣ.

Любезная Элиза!

Севодни началъ я новый журналъ; ты можешь его увидѣшь; ибо есть-

ли я не буду столько счастливъ, чтобы дожить до своего возвращенія въ Англію, то откажу его тебѣ въ моей духовной. — Спроки мои меланхолическія; — желалъ бы я написать повеселѣе; и онѣ были бы веселѣе, естли бы я могъ писать къ тебѣ письма: но немногія изъ нихъ, я думаю, дошли бы до тебя — однакожъ съ каждою почшою ты будешь получаешь отъ меня по нѣскольку строкъ, пока собственная твоя рука не дастъ мнѣ знака, чтобы я больше не писалъ.

Увѣдомь меня, въ какомъ ты сосоянтіи, и какого рода крѣпостію небо одарило тебя? Какъ ты распорядила отъѣздъ свой? Все ли хорошо? — Пиши мнѣ все. Надѣйся увидѣть меня въ Дилѣ съ Гжею Джемсъ, естли задержашъ тебя прошивные вѣшры. — Дѣйствительно, Элиза, я прилечу къ тебѣ, естли представится малѣйшій случай оказать тебѣ услугу, и — хотябъ для одного твоего удовольствія.

Боже благости и милосердія !
 призи на скорби бѣдной Элизы !
 подай ей силы; защити ее отъ всѣхъ
 опасностей, которыми можешь под-
 вергнуться слабое ея сложеніе: кро-
 мѣ Тебя, нѣтъ у ней другаго по-
 кровителя на сей грозной стихіи.
 Десница швоя да подкрѣпишь ее ;
 духъ швой да ушѣшишь ее, до сконча-
 нія спрансшвія ея !

Я надѣюсь, Элиза, что молитва
 моя услышана; ибо когда я возвожу
 глаза мои съ моленіемъ о тебѣ къ
 небу, швердь, кажешся мнѣ, осла-
 бляешся.

Я шеперь только пришелъ отъ
 госпожи. Джемсъ, и я при часа го-
 ворилъ объ тебѣ. У нея есть швой
 портретъ, и она восхищается имъ:
 но Маріотъ и другіе знашоки со-
 гласны въ томъ, что мой лучше, и
 что въ немъ изображенъ гораздо лю-
 безнѣйшій характеръ. — Но какъ
 всіо еще далекъ онъ отъ подлинни-
 ка! Въ прочемъ признаюсь, что пор-
 третъ Гжи. Джемсъ сдѣланъ для
 свѣща; а мой шочно шаковъ, каковъ

долженъ бышь для друга, или для чувствившельнаго философа. — Въ первомъ представлена ты блистательною, въ убранствѣ, съ шолкомъ, съ жемчугомъ, съ горноспаемъ: а въ моемъ, въ простомъ, какъ Веспалка; ты показываешься доброю дѣвицею, каковою создала себя напура: что, кажешся мнѣ; гораздо свойственнѣе и гораздо пріятнѣе, нежели, когда я вижу Гжу. Драперъ съ возпламененнымъ лицемъ, съ рѣвющимися Граціями на ономъ и въ именинномъ нарядѣ, ищущую побѣды.

Мнѣ помнишся, Элиза, ты дѣлала тогда странныя себѣ насилія, чтобъ собрать на лице свое всѣ прелести, коими ты обладаешь, когда ты списывалась для Гжи. Джемсъ; — цвѣтъ въ лицѣ у тебя былъ блистательный; глаза имѣли больше огня, нежели обыкновенно: — я тогда просилъ тебя бышь просто, безъ наряда, когда будешь списываться для меня — и я угадалъ; глазъ мой не ошибся, что ты не получишь никакой выгоды и превосходства ни

опѣ шелковаго червя, ни опѣ руки ювелира — Позволь мнѣ подшвердишь истинну, кошорую ты, я чаю, опѣ меня слыхала. — Въ первой разѣ, какѣ я шебя увидѣлъ, я сморѣлъ на шебя, какѣ на предметѣ сожалѣнїя, и какѣ на женщину обыкновеную. Уборѣ швой, хошя и модный, худо кѣ шебѣ шелѣ и шебя обезображивалѣ: — но ни что не можешѣ болѣе шебя обезобразить, какѣ желанїе прельстить и показашѣя прекрасною. — Нѣшѣ, ты не прекрасна, Элиза, и лицо швое не шаково, чшобѣ могло понравитьсѣя и десятой части шѣхѣ, которые на шебя сморѣшѣ. — Но ешѣ нѣчто болѣе красоты, и я не боюсь сказать эшо шебѣ: никогда не видалѣ я лица шакѣ разумнаго, шакѣ добраго, шакѣ чувствительнаго; и не найдешѣя ни одинѣ нѣжный и *чувствительный* человекѣ, кошорый бы, пробывѣ въ компанїи сѣ шобою три часа, не былѣ, или не сдѣлалсѣя бы, швоимѣ почишашелемѣ, или другомѣ, ешѣли шолько ты не будешѣ при-

нимаешь на себя ничего чужаго вида, и будешь показываешься простою, не занимающею у искусства, женщиною, какъ напура хочешь, чтобы ты была. Ты имѣешь въ глазахъ и въ голосѣ нѣчто, гораздо прогашельнѣйшее и поразительнѣйшее, нежели какая либо другая женщина, копорую я видалъ, или о копорой слыхалъ. — Но сей спенъ неизбяснимаго и восхишительнаго совершенства можешь пронуть шолько людей, одаренныхъ самою нѣжнѣйшею чувствительностію.

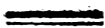
Есшьлибъ мужъ швой былъ въ Англїи, и есшьлибъ милосшь сію можно было купишь за деньги: то я бы охотно заплашилъ ему пять сотъ фуншовъ сперлинговъ, чтобы шолько далъ онъ тебѣ просидѣшь возлѣ меня два часа въ день, пока я пишу мое *чувствительное путешествованіе*; я увѣренъ, что сочиненіе было бы чрезъ то лучшее, и заплатило бы всемѣро мои издержки. — Но не далъ бы и гроша за швой портретъ, каковъ списанъ у господѣ Нюнгамовѣ

— это изображеніе наглой кокетки. Глаза свои и лицо, (совершеннѣйшая овальность, какую я шолько видѣлъ,) поразительныя своею красотою и совершенствомъ, способныя обратишь вниманіе самаго равнодушнѣйшаго человѣка; словомъ, превосходящія всѣ другія, сколько я ни видалъ въ моихъ путешествіяхъ, совсѣмъ обезображены: первые своими манѣрными взглядами, а лицо странною физіономіею и положеніемъ головы: что есть доказательствомъ малаго вкуса или художника, или друга своего.

N. N. оправдывающіе приписанное нѣкогда мною имъ свойство, что они прилипчивы, какъ смола, или деготь, прислали карточку къ Гжѣ * * * съ объявленіемъ, что они пожалуютъ къ ней въ пятницу: — она велѣла имъ сказать, что она уже ошозвана—Другой посолъ, съ зовомъ на вечеръ въ спектакль — Она отвѣчала, что она туда бытъ не можешъ. — Она думаетъ, что если ли она дастъ имъ запустишь ногу въ

ея домъ, то никогда не опвяжешся отъ ихъ знакомства; и такъ рѣшилась вдругъ перервать оное. Нельзя лучше знашь ихъ, какъ она: она вѣдаешь, что они ни ей, ни тебѣ не друзья, и что первое доказательство мнимаго ихъ дружества состоять будетъ въ томъ, чтобъ пожертвовать честію своею, въ другой разъ буде можно — Не позволяй, любезная Элиза, чтобы она была усерднѣе себя къ своей пользѣ и чтобы больше имѣла къ тебѣ дружбы, нежели ты сама. — Она поручила мнѣ повторить тебѣ просьбу, которую я тебѣ уже дѣлалъ, чтобы ты болѣе къ нимъ не писала. Ты шѣмъ причинишь ей и своему Брамину несказанное огорченіе. Будь увѣрена, что она имѣетъ справедливыя причины требовать сего; — я также имѣю свои причины: первая та, что я крайне огорчуся, если у Элизы нестанетъ той швердоси духа, которую Йорикъ спарался вперить въ нее. — Я общался было не произносишь болѣе непри-

яшнаго ихъ имени; и естлибъ не получилъ шочнаго повелѣнїя отъ любезной женщины, кошорая къ шебъ привязана и шебя любитъ: шо бы я и не нарушилъ моего слова.

Завтра я еще напишу къ шебъ, превосходнѣйшая и любезнѣйшая женщина! Желаю шебъ спокойной ночи; духъ мой не осшавитъ шебя и во время сна. Прощай.

ПИСЬМО XIII.

Элиза къ Йорикъ.

Дайте мнѣ увидѣшь вашъ журналъ — Пришлише его мнѣ прежде, нежели я осшавлю Англїю, и да будешъ удалено весьма далеко шо время, въ кошорое я получила бы оный по завѣщанїю! — Я рада буду чишая и печальныя ваши спроки: онѣ умягчающѣ сердце чловѣческое.

Я чувствую шакъ, какъ чувствовали вы, когда чишаю шо, что вы

писали: а чувствовашъ такъ, естъ чувствовашъ съ нѣжнѣйшею чувствительностью.

Симпатія чувствъ приноситъ намъ величайшія удовольствія. — Такія печали — печали пріятныя. — Когда перо ваше изведешъ слезы на глаза мои, и потомъ пролѣешъ ихъ ручьями; когда онѣ будутъ прерываться рыданіями — тогда скажу я: здѣсь плакалъ мой Браминъ; — сердце въ немъ билось, когда онъ писалъ сіе мѣсто. — Пусть приму я въ себя сладкую заразу каждаго слова, изшекшаго изъ сердца, и омочу снова листъ, уже мокрый.

Потомъ приму я пріятныя изліянія твоего воображенія — я буду веселишься прелесною игрою твоего разума; неподражаемое свойство твое упишитъ смущеніе моего сердца; — густая слеза не будетъ болѣе дрожать въ моемъ глазѣ; — нѣжная шоска не будетъ больше тягчить мою душу—

Иорикъ разсѣетъ скорби, причиненныя Браминоу.

Сіе усладительное чтеніе прольетъ сладчайшее изліянiе на скучныя часы моего странствiя; и съ помощію Иорика я буду воображать, что Индія въ половину меньше удалена отъ Англіи, нежели дѣйствительно.

Вы посулили мнѣ что-то благодѣтельное и любезное съ каждою почтою: — будьте увѣрены, что никогда рука моя не подастъ знака, чтобы умолкъ писатель.

Мнѣ гораздо, гораздо лучше; и благодаря Бога, я чувствую въ себѣ крѣпость, дѣлающую меня достойною быть вашею ученицею и другомъ.

Квартира моя сносна; — я не могу пожаловаться. — Такъ вы пріѣдете съ гжею Джемсъ въ Диль, если я задержана буду прошивными вѣтрами! Всякой день, послѣ сего вашего письма, я прошу небо склонить въ пользу мою стихіи, чтобы я могла еще разъ насладиться

зрѣніемъ друзей моихъ. Такимъ образомъ, когда капишанъ, машрозы и прочіе путешественники молятъ о благопріятномъ вѣтрѣ, я одна тайно сопрошивляюсь ихъ моленію, и прошу небо, чтобы оно удержало корабль нашъ въ гавани.

Я не дамъ мнѣнія своего о разныхъ моихъ поршрешахъ, писанныхъ въ разныхъ положеніяхъ, какъ требовали друзья мои. — Я списывалась въ угодность имъ — и храню почтеніе къ различнымъ ихъ вкусамъ. — Но они могутъ быть увѣрены, что каковъ бы поршрешъ ни былъ, подлинникъ совершенно имъ преданъ.

Когда я размышляю объ опличной дружбѣ, какую вы ко мнѣ имѣете; и когда разсуждаю о сей чистотѣ души, съ какою вы входите въ малѣйшія до меня касающіяся обстоятельство: то не могу не погордиться симъ привѣтствіемъ: *Ты не прекрасна, Элиза!* — Какъ я счастлива, что я привязанностью вашею должна чистѣйшему чувству

ванію , а не красотѣ , преходящей и гбнущей.

Сіе привѣщствіе есть самое лестное, какое только я получала, и какое я получаю желаю; — оно не составлено изъ шѣхъ обыкновенныхъ словъ, какія всѣмъ говорящя, и не относится къ какимъ либо чертамъ, больше ли, меньше ли пригожаго лица. — Это похвала вообще всей особѣ , похвала для сердца.

Однакожъ я не должна имѣть это щеславіе, чшобы почитать ее во всемъ ея пространствѣ истинною. — Вы изображаете меня съ предубѣжденіемъ друга, и съ нѣкоторымъ пристрастіемъ къ моимъ недосшаткамъ.

Сколь ни ласкашельно въ прочемъ сіе изображеніе , какое рука ваша обомнѣ начертала , я хочу однакожъ часто прочитывать его.— Увѣряясь, что вы такою видѣшь меня желаете, я употреблю всѣ старанія , чшобы достигнуть сего рода красоты и сего совершенства, сколько силы мои позволятъ.

Вы говорите мнѣ о мужѣ; это имя мнѣ любезно; при семъ словѣ вся кровь моя устремилась къ сердцу; всѣ мысли мои обратились къ Индіи; — я вздыхала о дальномъ разстояніи, и хошѣла было замарашь все, что я сказала въ верху моего письма.

Но за чемъ мнѣ марашь? Осмѣлюсь ли я коснуться и одного слова, или изъясненія малѣйшаго чувствованія? Любовь и дружба не равноль священны? — Научись, Элиза, сохраняшь ихъ во всей ихъ чистостѣ — учинись — достойною такого мужа — такого друга.

Да, мой любезный Иорикъ, мужъ мой позволилъ бы тебѣ мою бесѣду, естлибъ она могла служишь къ успѣху сочиненія швоего; — онѣ не захошѣлъ бы лишитъ человѣковѣ наспавленія и удовольствія, кошоры ты подашь имѣ можешь.

Не говорите мнѣ больше о N. N. Я уступаю усердію вашему. — Чего бы не согласилась я сдѣлать для дружбы вашей? — Оспавимѣ

эшихъ неблагодарныхъ людей ; я не хочу больше ни думать объ нихъ, ни къ нимъ писать.

Ожидаю съ нешерпѣливостью обѣщаннаго мнѣ завтра письма.

Прощай, наилучшій человекъ, искреннѣйшій другъ! Небо да бдишь надъ тобою въ часы твоего оподхновенія, уединенія и трудовъ. Прощай.

Въ восемь часовъ, поутру.

П И С Ъ М О XIV.

Элиза къ Йорикку.

Мой Браминъ!

Я получила посылку. — Вы много труда принимали, и сердце мое исполнено къ вамъ благодарности.

Корабль, на кошоромъ я должна ѣхать, очень хорошъ ; каюша моя маленькая, но покойная: — ее нада выбѣлишь, — и шакъ мнѣ надобно выбрашься и сыскашь кварширу на берегу.

Съ каждую почшою ожидаю я отъ моего Брамина нѣсколькихъ нѣжныхъ и дружескихъ строкъ.

Небо да блюдетъ здравіе твое для блага человѣчества и благополучія Элизы. Прощай.

П И С Ь М О XV.

Элиза къ Йорикъ.

Благодѣтельный Йорикъ!

Счастье это для меня, что Гжа Лайтъ ѣдетъ на нашемъ суднѣ — я не видала ничего любезнѣе и пріятнѣе этой молодой женщины, и компанія ея со дня на день становится мнѣ милѣе.

Съ нами ѣдетъ также одинъ офицеръ, въ службѣ компаніи; — Вчера, безъ церемоній и безъ зову, пришелъ онъ къ намъ пить чай — Я сочла за неблагоприсойное оказать ему наше неудовольствіе: — но пошушила нѣсколько на счетъ его смѣлоспи, говоря, что это,

конечно, одно изъ нужнѣйшихъ качествъ служиваго. — Онъ извинялся въ своемъ неучтивствѣ, не охотно однакожъ дѣлая въ томъ признаніе.

Онъ, мнѣ кажется, плѣнился Гжею Лайтъ, и я не сумнѣваюсь, что не пройдетъ и двухъ недѣль нашего путешествія, какъ онъ влюбится въ нее спрасно.

Прочіе пассажиры всѣ люди любезные, и офицеры ведутъ себя благоприсойно и вѣжливо.

Мой Йорикъ! — милый мой другъ! — раздѣляй мысли мои съ шѣмъ, съ кѣмъ связана я должностію — Не забывай меня въ своихъ молитвахъ. — Занимайся Элизою во время бдѣнія, и дай мнѣ, какъ милой шѣни, посѣщать воображеніе швое во время сна. — Я на вѣкъ швоя. — Проси, проси.

Элиза.

П. П. Какъ я здѣсь не долго пробуду, то не пропускайте ни одного случая писать ко мнѣ — Еще прощайте.

П И С Ъ М О Х V I .

Йорикъ къ Элизѣ.

Ты не могла поступить иначе, Элиза, съ молодымъ офицеромъ; — противнобъ учивосши, противнобъ даже, скажу я, человѣчешву было, ешьлибъ ты заперла отъ него дверь — И шакъ онъ способенъ къ нѣжнымъ ощущеніямъ, Элиза! и прежде двухъ недѣль, думаешь ты, будешь спрасшно влюбленъ въ гжу. Лайшъ? — А я думаю — и это въ тысячу разъ вѣрнѣе — что онъ влюбился въ себя, потому, что ты въ тысячу разъ любезнѣе. — Пяшь мѣсяцовъ пробышь съ Элизою, и въ одномъ мѣсѣ, молодому офицеру. . . все подшверждаешь мои мысли. — Солнце, ешьлибъ оно могло обойшисъ, не захошѣло бы освѣщашъ сѣбны шемницы; но лучи его шакъ чисты, шакъ божешвенны, Элиза, что я не слыхалъ, чтобъ они отъ шого осквернялись. — Такъ должно бышь и съ шобою, любезная моя дочь, какъ въ семъ положеніи, шакъ и во всѣхъ состояніяхъ швоей жиз-

ни: — но скромность швоя, благо-
разуміе, гласъ чести, душа Йори-
кова и душа швоя подадутъ тебѣ
мудрѣйшіе совѣшы.

И такъ все уже гошово къ шво-
ему ошѣзду? --- Нельзя ли шолько
вычисшишь и вымышъ швою каюшу,
не бѣля ее? Краска очень вредна для
швоихъ нервовъ; она долго выгоняшь
тебя будешъ изъ швоей комнашы,
гдѣ, я надѣюсь, будешъ шы имѣшь
многія счастливыя минушы.

Я боюсь, чшобъ лучшіе изъ вашихъ
кваршермистровъ не назывались такъ,
шолько по сравненію съ прочими ма-
шпросами --- такъ какъ случилось
съ N. N. --- Но я не хочу больше
говорить о нихъ, по шому чшо шы
сама справедливо ихъ гнушаешся. ---
Сего довольно.

Теперь шы лишена будешъ по-
моци и добрыхъ совѣшовъ --- остере-
гайся шолько входить въ шѣсныя
знакомства; добрыя сердца опкро-
венны, и ихъ легко обманывашъ. ---
Небо да подастъ тебѣ крѣпость къ
понесенію всѣхъ опышовъ, коимъ оно

себя подвергаетъ. --- Ты лучшее изъ его швореній --- Прости, любимаго, прошу тебя, и не забывай меня.

Я остаюсь, милая Элиза, и пребуду по жизнь мою, въ нѣжнѣйшемъ смыслѣ сего слова, другъ швой

Йорикъ.

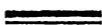
П. П. Можетъ бышь ты будешь имѣшь случай ошписашь ко мнѣ съ *Зеленаго мыса* съ какимъ нибудь Голландскимъ, или Французскимъ судномъ — и швое письмо конечно до меня дойдешъ.

ПИСМО XVII

Йорикъ къ Элизѣ.

Любезная Элиза!

О! какъ я беспокоюсь о швоей каюшѣ! Новая краска причинишь конечно вредъ швоимъ нервамъ; — вообще, ничшо такъ не вредно, какъ бѣлилы, дѣлаемая изъ свинцу. Побереги свое здоровье, любезная моя,

и долго не спи въ этой каютѣ; она можешь приключишь тебѣ ударѣ.

Я надѣюсь, что ты оставила корабль, и что письма мои заспанушь тебя въ дорогѣ, ѣдущую на почтѣ въ Диль. — Когда ты ихъ все получишь, любезная Элиза, разбери ихъ. Первые, восемь или девять, перемѣнены нумерами, но другія нѣтъ. Ты можешь разположить ихъ по часамъ и днямъ, въ которые онѣ писаны, и которые я почти вездѣ выславлялъ. — Когда такимъ образомъ онѣ приведены будутъ въ хронологической порядокъ, надобно ихъ сшить и завернуть въ одну обвертку. — Я ласкаюсь, что они будутъ успѣшеніемъ твоимъ, и что ты удостоишь прочитывать ихъ и совѣщываться съ ними. Когда упомишь ся отъ пустыхъ разговоровъ вашихъ путешественниковъ — тогда ты удались въ свою каюту, чтобъ проводишь часъ съ ними, и со мною.

Я не имѣлъ духа, ни силы оживить ихъ игрою разума, или веселостью: но онѣ содержатъ нѣчто лучшее, и что

ты найдешь, также какъ и я, сходственнѣйшимъ съ швоимъ положеніемъ — множество совѣтовъ и, нѣкоторыя полезныя испинны. — Я ласкаюсь, что ты также увидишь душъ просыя и естественныя черты чеснаго сердца, которыя гораздо выразишельнѣе искусно сплетенныхъ фразовъ. Си пѣсьма, шоль чистосердечныя, дадутъ тебѣ большую довѣренность къ Иорику, какой не могло бы произвести самое мастеровашое краснорѣчіе — Положись совершенно, Элиза, на нихъ и на меня. Да постигнешъ меня бѣдность, скорбь и сшудъ, естли я когда подавалъ тебѣ причину, Элиза, разкаявашся о швоемъ со мной знакомствѣ. На семъ кляшвенномъ увѣреніи, которое я произношу предъ лицемъ праведнаго Бога, я прошу его бышь ко мнѣ шолько щедру въ своихъ милосшяхъ, сколько я былъ прошивъ тебя чесненъ и совѣшенъ. — Я не захочу обманывать тебя, Элиза; я не захочу помрачить тебя въ мысляхъ и послѣдняго человѣка, за

драгоценнѣйшую корону величайшаго Монарха.

Помни, что пока я бытїе имѣю, пока буду дышашь, все мое можешь ты почиташь своимъ. Но чтобы не оскорбишь своею чувствительности, я скажу тебѣ, Элиза, что я жальшь бы спалъ, естлибъ дружба моя имѣла нужду въ такомъ доказательствѣ. Деньги, и те, кошорые ихъ раздають, по мнѣнїю моему, одинакую имѣють цѣль, господствовать.

Я надѣюсь, что ты будешь отвѣчашь мнѣ на сіе письмо; а естли спихїи, увлекающїя тебя отъ меня, тебѣ въ помъ возпрепятствуютъ: то я самъ напишу отвѣщъ, такой, какой бы ты написала, и буду почиташь его, какъ бы отъ Элизы пришедшимъ.

Да сопутствуютъ тебѣ честь, счастье, здравїе и ушѣшенїя всякаго рода! Я буду жить для себя и для моей Лидїи. — Собирай богатства для любезныхъ дѣшей, мной усыновленныхъ. — Прїобрѣшай му-

дрость, славу, и счастье, — естли оное пріобрѣсшь можно, — для раздѣленія онаго съ дѣшми швоими — для раздѣленія съ моей Лидіей; — для ушѣшенія моей староспи. — Въ послѣдній разъ прощай. — Храни свое здоровье; продолжай постоянно слѣдозашь предположенной нами цѣли — любви, добродѣтели; и не дай лишись себя способностей, дарованныхъ тебѣ небомъ къ швоему благосостоянію.

Что я могу еще къ сему прибавить, въ шакомъ волненіи, въ какомъ я нахожусь? — И уже пашь мишушь прошло, ошъ послѣдняго удара почшоваго колокола — Что мнѣ еще къ сему прибавить? — Развѣ поручишь себя небу, и съ шобою себя въ одной молишвѣ — въ молишвѣ наигорячайшей — дабы были мы счастливы, и еще разъ увидѣлись въ сей жизни — или по крайней мѣрѣ въ шой! — Я швой, Элиза, швой на вѣкъ; — положишь на нѣжную и непремѣнную дружбу

Йорика.

П И С Ъ М О Х V I I I .

Элиза къ Йорику.

Йорикъ !

Я надѣюсь, что страхи ваши о моемъ здоровьѣ и о новой краскѣ моей каюшы, шеперь прошли; — но когда такъ угодно Йорику — я общаюсь имѣшь попеченіе о моемъ здоровьѣ, особенное попеченіе, и — для любви къ нему.

Я получила письма ваши съ необыкновеннымъ сердечнымъ удовольствіемъ; — получила и привела ихъ въ порядокъ; по предписанію вашему: — порядокъ сей не мудрено было найши; гдѣ не было нумеровъ, тамъ слѣжили мнѣ числа вмѣсто ихъ.

Я завернула ихъ въ одну обертку, и буду носить ихъ на моемъ сердцѣ. Дѣйствительно онѣ будутъ служишь мнѣ ушѣшеніемъ; — будутъ нѣжными и скромными моими друзьями — съ чувствительностію буду я ихъ перечисывать; буду совѣ-

шовашься съ ними, буду повиновашься имъ. Я собрала ихъ, какъ сокровище, въ мою память, и чувствую уже благотворныя ихъ дѣйствія.

Нуженъ ли имъ другой духъ, кромѣ чувства и истины? Честное и чувствительное швое сердце показывается шубъ въ каждой строкѣ и оживляетъ ихъ чувствительностью своею. — Моя чувствительность рождается при каждой фразѣ и симпатизируетъ съ швоей душою. Я присоединяюсь съ равнымъ числомъ сердечіемъ къ швоей кляшвѣ, и призываю на себя шобъ же гнѣвъ небесный, ешъли и моя честность не была равна швоей.

Ешъли я увлекусь стихіями, похищающими меня у друзей моихъ: шо вы напишете письмо за меня и будете почищать, какъ бы пришедшимъ отъ меня? — Пиши, мой Иоркѣ; — пиши, пока я разлучаюсь съ симъ берегомъ; пока борюсь съ невѣрными волнами сей гордой стихіи; — пока шеряю изъ виду бѣлѣющіеся берега земли, шебя носящей,

земли; осчастливленной своимъ рожденіемъ; — пиши вмѣсто своей Элизы. — Дай воображенію своему всю власшь, во всемъ ея пространствѣ. — Вообрази все, что есть нѣжнаго, ласковаго, утѣшительнаго и честнаго — вообрази самую сильнѣйшую и нѣжнѣйшую привязанность. — и не думай, чтобы силы души твоей, въ ихъ выраженіи, могли превзойти чувства моего сердца.

Ты молишь Бога, чтобы онъ учинилъ насъ счастливыми, и даровалъ бы намъ еще свидѣться въ земнѣ, или въ будущемъ — Я даю больше пространства твоей молитвѣ — Да даруетъ онъ намъ свидѣться прежде на сей землѣ, а потомъ въ селеніи небесномъ!

Элиза.

ПИСЬМО XIX.

Йорикъ къ Элизѣ.

О! дай Боже, чтобы возможно тебѣ было, моя Элиза, оплодотворить

еще на годъ отъѣздъ швой въ Индію! — Ибо я увѣренъ въ сердце моему, что мужъ швой никакъ не могъ назначить именно это время къ швоему отправленію.

Я боюсь, не увеличилъ ли г. Б.... Я не люблю уже этого челоука; взоръ его меня убиваетъ — Ежели случится какое несчастье: какъ онъ тогда долженъ будетъ за это отпѣшествовать? Я не знаю швари на свѣтѣ, кошораябъ болѣе жалка была, или кошорую я болѣе тогда возненавидѣлъ бы. — Онъ будетъ чудовищемъ въ глазахъ моихъ; — и больше, нежели чудовище. — Но, положишь на меня, Элиза, и воображеніемъ о дѣтяхъ не умножай заботъ своихъ — я буду отецъ швоимъ дѣтямъ.

Но ештли ты всю еще больна, Элиза; не лучше ли отложишь возвращеніе швое въ Индію до будущаго года? — Отпиши къ мужу; представь ему истинное швое положеніе — Ештли онъ челоукъ великодушный и нѣжный, каковымъ

шы мнѣ его описывала: шо, я думаю, онѣ первый долженѣ одобришь твой поступокѣ. — Мнѣ сказывали, что вся его отговорка, для чего онѣ не хочешь оставишь себя жить въ Англіи, происходитѣ отѣ полученной имѣ несчастной мысли, что шы можешь надѣлашь долговѣ безѣ вѣдома его, которые онѣ принужденѣ будешь плашишь. — Какой страхѣ! Возможно ли, чтобы такимѣ небеснымѣ швореніемѣ, какѣ шы, жершвовашъ сбереженію нѣсколькихѣ сотѣ фунтовѣ стерлинговѣ? — Жалкія разсужденія! — Ахѣ, Элиза! ешьлибѣ можно было, не нарушая благоприспойности — я бы заплашилѣ ему, до послѣдней нишки, всѣ издержки, какія шы причинишь ему можешь. Съ радостію я уступилѣ ему всѣ средства моего пропитанія; — жизнь мою зложилѣ бы — заложилѣ бы и шѣ доходы, которыми небо снабдило голову мою къ будущему моему прокормленію.

Признаюсь, ты много должна своему мужу; ты должна также нѣсколько наружности и людскому мнѣнiю: но повѣрь мнѣ, Элиза, ты еще больше должна самой себѣ. — Оставь Диль и море, если ты все еще не здорова; я буду даромъ врачомъ твоимъ. Ты будешь не первая изъ своего пола, которую я съ успѣхомъ вылечилъ. Я приду къ тебѣ жену и дочь мою; онѣ могутъ ѣхать съ тобою, для поправленiя здоровья твоего, въ Монпелье, въ Спа, къ водамъ Банкуасскимъ, или куда ты захочешь. Онѣ будутъ слѣдовать твоимъ желанiямъ, и ты можешь избрать себѣ любое мѣсто въ свѣтѣ, куда воображенiе твое поведетъ тебя. Мы поѣдемъ вмѣстѣ ловить рыбу на берегахъ *Арно*; станемъ плушать въ смѣющихся и цвѣтущихъ Лабиринтахъ долины ея; и шумъ можешь ты — какъ я, разъ или два, уже слышалъ — сладкимъ и плавнымъ твоимъ голосомъ запѣшь намъ *пролала я! пролала я!* — А мы тебя сыщемъ, Элиза.

Помнишь ли ты предписаніе швоего Докшора? — Я очень оное помню; оно было шоже, чшо мое. „Упошребляйше умѣренное движеніе, „говорилъ онѢ; поѣзжайше польшовашься чистымѢ воздухомѢ полушенной Франціи, или еще чистѣйшимѢ и пріятнѣйшимѢ воздухомѢ Неаполишанскаго Королевшва; пригласише съ собою нѣсколькихѢ чешсныхѢ и нѣжныхѢ друзей,„ — Чувшвишельный человѣкъ! ОнѢ проникалѢ вѢ мысли; онѢ вѣдалѢ, сколь бесполезно и шщешно леченіе милой женщины, кошорой болѣзнь получила испочникѢ свой опѢ скорбей душевныхѢ! Я боюсь, и ты должна повѣришь мнѢ, не одно ли время можешѢ уже возвратить шебѢ здоровье. Сей жаркой и постоянной ходатай не преминешѢ исходатайшвовать оное для прекрасной моей богини.

Я почишаю шебя, Элиза, за шо, чшо ты сохранила вѢ шайнѢ шакія вещи, отккрыштемѢ кошорыхѢ ты пріобрѣла бы себѢ похвалу. — Есть нѣкошорое дошшоинштво вѢ эшой по-

чпительной скорби, копорая опречкаешся призывашь себѣ въ помощь ушѣшеніе и сожалѣніе. — Ты очень хорошо выдержала сей характеръ, и я начинаю думашь, любезная моя философка, что ты имѣешь сполько же добродѣтелей, какъ шепка моя, жена покойнаго дяди моего *Тоби*. — Говоря о покойникѣ, пришло мнѣ на мысль, Элиза: ешьли ты овдовѣешь, пожалуй-спа не выходи за какого нибудь богашаго Набаба — я намѣренъ взяшь тебя. Жена моя не долго проживешь; щещно объѣздила она уже всѣ провинціи Франціи; а я незнаю женщины копорая бы могла лучше замѣнишь мнѣ жену мою. — Правда, сложеніе мое дѣлаешь меня восмидесятилѣтнимъ старикомъ, а тебѣ только двадцать пять — разница большая: но я постараюсь недосшапокъ молодости наградишь умомъ и веселостію. Свифтъ не любилъ шакъ свою Шеллу, ни Скарронъ свою Меншенонъ, или Валлеръ свою Сахариссу, какъ я буду любить и возиѣвашь тебя.

О жена по сердцу моему! всѣ сѣи имена, сколь онѣ ни славны, исчезнушѣ предѣ именемѣ швоимѣ, Элиза. — Оспиши, что шы прѣемлешь мое предложеніе, и подобно шой любовницѣ, о кошорой говоритѣ *Зритель*, (*) захочешѣ лучше обуватѣ шуфель стараго мужа, нежели соединишѣся съ молодымѣ и разпущнымѣ вѣшренникомѣ. — Прощай, моя Симплиція; весь твой

Тристрамѣ.

П И С Ь М О Х Х.

Элиза къ Йорикѣ.

Мой Тристрамѣ !

Охотно желалабѣ я для васѣ сдѣлатѣ все, что отѣ меня зависишѣ; все, что не преступаетѣ границѣ моей должности: но мнѣ невозможно опложитѣ моего отѣѣзда. Полученный мною приказѣ непремѣненѣ, и я должна повиноватѣся.

(*) *The Spectator.*

Г. Б — ни чего не увеличилъ; — мнѣ гораздо лучше; и дѣти мои, надѣюсь, не будутъ сиротами: но я благодарю васъ за ваше великодушіе. Я столько чувствительна къ расположенію души вашей въ разсужденіи ихъ, сколько бытъ можно.

Васъ обманули въ разсужденіи нрава мужа моего; — онъ не такъ скупъ, какъ вы себѣ представляете; и есльибы касалось только до издержекъ, то я могла бы долго еще наслаждаться Европейскимъ воздухомъ. — Гораздо нѣжнѣйшія побужденія принуждаютъ его поспѣшать въ возвращеніемъ моимъ въ Индію — Будьте увѣрены, что я не жертвуюся видамъ корыслолюбивымъ.

Вы признаете, что я много должна моему мужу; — я слѣдую однимъ внушеніямъ моей должности въ заплащѣ долга сего — долга, священнѣйшаго изъ всѣхъ и заключеннаго торжественнѣйшимъ образомъ.

Признаюсь, что какимъ ни должны мы уваженіемъ къ всеобщему мнѣнію, наружності и сіе почши-

шельное мнѣніе мало бы задержали меня, есшьли бы обстоятельство позволили мнѣ оставишь Диль и воздашь долгъ дружбѣ.

Вы всегда будете врачомъ моимъ, но не для шѣлеснаго здравія: оставъше это попеченіе шѣмъ, кошорые симъ занимающся. — Оставъше имъ дѣлать свои наблюденія и мнимыя разѣисканія, дабы набогашась отъ скорбей и мученій бѣднаго больнаго: а мой Йорикъ пусть приметъ на себя благороднѣйшую должность, давашь предписанія для моего духа и излѣлять болѣзни душевныя. Это шакая должность, вѣ кошорой никшо не можешъ съ нимъ сравнишься и для кошорой небо, кажешся, особенно его назначило, даровавъ ему способность умягчашъ и пробуждашь ожеспоченіе и нечувствительность развращеннаго свѣта.

Супруга швоя и дочь пусть будушь заняты лучшимъ упражненіемъ, нежели прогулкою съ больною швоею Индіянкою! Пусть онѣ надолго дѣлять съ шобой благополу-

Чѣе спокойной вашей жизни! Естльи онѣ шакже чувспвуютъ, какъ чувспвую я: шо онѣ, безѣ сомнѣнїя, почшутъ легкимъ и прїяпнымъ все, что можешѣ шебя ушѣшитъ и шебѣ нравитъся.

Что касаетъся до перемѣны воздуха и мѣста, я не могу согласитъся съ мнѣнїемъ Докторовъ. — Я испышала шо безуспѣшно, проѣхавъ съ одного конца свѣша на другой. — Естльибѣ лекарство ихѣ было дѣйспвительнo, шо воздухъ Англїи и швое сообщество имѣли бы больше дѣйспвїя, нежели воздухъ Французской, или Неаполишанской: но мнѣ не возможно житъ въ сихѣ мѣстахѣ долѣе.

Скорби душевныя, произведенныя съ лишкомъ нѣжною чувспвительнoстью, и весьма слабое сложенїе: — вотъ, я думаю, всѣ причины, копорымъ всѣ наблюденїя искуснѣйшихъ врачей тщетно помочъ старашъся будуть.

Ежели должна я возбуждать въ комъ состраданіе, то я желаю только состраданія твоего: — но я не хотѣла бы, чтобы ты когда чувствовалъ состраданіе и въ бездѣлкѣ. — Сердце твое такъ добро, такъ нѣжно, что ешьлибъ ты имѣлъ сожалѣшь о комъ: то я увѣрена, что душа твоя болѣе бы спрадала, нежели самый предметъ твоей чувствительности. — Я желалабъ, чтобы однѣ каменные сердца чувствовали соболѣзнованіе: -- но онѣ неспособны къ оному.

Веселый нравъ твой не оставляетъ тебя — Ты спрашиваешь меня; ешьли я овдовѣю — отврати Боже сію минушу! — дамъ ли я руку свою какому богашому Набабу?

Я думаю, что я никому не отдамъ ея; ибо я боюсь, что сердце мое не пойдетъ вмѣстѣ съ рукою: — но что принадлежишь до Набавовъ, то я ихъ всѣхъ презираю — Я разумѣю Европейскихъ.

Не они ли истребили города, разорили деревни и опустошили поля моею опчизны? — Ахъ! они оросили проспранныя земли Индіи кровію ея жишелей; — они пожертвовали ненасытному своему корыстолюбію жизнью болѣе миліона моихъ соопечеспвенниковъ — Рѣки крови вопіюшъ прошивъ ихъ объ опщеніи. — Вдовы и сироты поднимаюшъ руки къ небу для испрошенія, чтобы огнь небесный низпалъ на сихъ варваровъ.

Сіи души, для прѣобрѣшенія несмешныхъ богатствъ, или власти, кровію омываешіяся, имѣюшъ ли какое сходство съ душою Элизы? — Чувствительная Индіянка Йорикова можетъ ли снести и мысль какого либо союза съ убійцами ея братьей? — Нѣшъ: — пусть лучше сшудъ и нищета поспигнушъ меня.

Я презираю богатство, какъ обыкновенный, пагубный источникъ роскоши и гордости — Золото полезно и хорошо только въ рукахъ до-

бродѣтели, когда она проспиралась
оня къ облегченію несчастныхъ;
— или когда челоуѣколюбіе нѣжнымъ
и безпокойнымъ окомъ ищетъ хижин-
ны бѣднаго, чтобъ излить шуда
свой излишекъ; чтобъ повелѣшь сле-
зѣ, дрожащей въ окъ печальнаго, пе-
ремѣнишься въ выраженіе радости
и прошекашь по лицу, начинающе-
му уже являть улыбку благодар-
ности.

Да, мой Браминъ: естѣлибъ я
была вдовою, — и естѣлибъ ты былъ
свободенъ, я думаю, что я опала бы
тебѣ руку, предпочтительно предъ
всякимъ живущимъ челоуѣкомъ — Я
соединилась бы съ швоей душою —
Я соединилась бы съ моимъ другомъ,
съ моимъ наставникомъ.

Что нужды до разности лѣтъ?
Душа, шествующая къ безсмертію,
всегда молода; а швоя душа, я увѣ-
рена, больше имѣетъ крѣпости, не-
жели души обыкновенныхъ челоуѣ-
ковъ.

Великой поэтъ (*) сказалъ :

„Не возможно опредѣлишь вѣр-
ной причины любви ; сходство сіе
существуетъ не на лицахъ, но въ
душахъ любящихся.

Но оставя бредни въ сторону ,
я надѣюсь , что Гжа Спернъ пере-
живетъ сей прекрасный прожектъ
нашего соединенія — Вы говорите,
что Французскія провинціи ей не
помогли — шѣмъ лучше: она полу-
читъ здоровье свое отъ отечествен-
наго воздуха гораздо скорѣе и дешевле.

Въ прочемъ льща ваши не помѣ-
шали бы нашему соединенію, и дол-
жность разуватьъ швой шуфель,
была бы для меня пріятнѣе услу-
жливостей молодого и страшнаго
вершопраха: но я нехочу, чтобъ Гжа
Спернъ видѣла сіе — ради Бога,
поберегите ваше спокойствіе.

Я оставляю шушку , — и оста-
юсь искреннѣйше, безъ шушки , съ
чистѣйшею привязанностію , швоя
непремѣнная

Э л и з а .

(*) Дриденъ.

П. П. Сердце мое биться будетъ
отъ неперѣливаго ожиданія отвѣ-
ща — Поспѣшите его успокоить.

П И С Ь М О Х Х I .

Йорикъ къ Элизѣ.

Любезная Элиза!

Я былъ при дверяхъ гроба — Пи-
савъ послѣднее письмо къ тебѣ былъ
я не здоровъ, и боялся того, что
дѣйствительно со мною случилось.
Спустя десять минутъ по отпра-
вленіи моего письма, сухой и щой
твой Йорикъ близокъ былъ къ разлу-
кѣ со свѣтомъ. — Прорвался кровя-
ной сосудъ въ груди у меня, и кровь
остановилась только севодни по утру
въ четвертомъ часу; прекрасные твои
Ост-Индскіе плашки все въ ней
измочены. — Она шла, я думаю, изъ
сердца. — Я заснулъ отъ слабо-
сти. — Въ шесть часовъ проснул-
ся, и рубашка на мнѣ была вся из-
мочена слезами. Представилось мнѣ,
будто я сижу спокойно на софѣ, и

ты вошла въ мою комнату, съ саваномъ въ рукѣ, и говоришь: духъ твой прилешалъ ко мнѣ въ Дюны, уведомишь о швоемъ жребіи; я прѣхала опдашь тебѣ послѣдній долгъ моей дочерниной любви къ тебѣ, приняшь швое благословеніе и послѣднее дыханіе жизни — Пошомъ накрыла меня саваномъ, бросилась къ моимъ ногамъ и просила меня благословить тебя. Я пробужаюсь, и въ какоѣ положеніи, Боже милосердый! Такъ, ты изочпешь слезы мои, ты соберешь всѣ ихъ въ сосудъ. — Любезная Элиза! я еще тебя вижу, ты предшавляешься еще въ воображеніи моемъ объемлющею слабыя мои колѣна, подвемлющею ко мнѣ помные глаза швои, увѣщевая къ шерифнїю и ушѣшая меня — Съ сей поры, всякой разъ, какъ я говорю съ Лидїею, слова Исааковы, произнесенныя шобою, непрестанно повшоряются въ ухахъ моихъ — *Благословиubo и мене, отце!* — Благословеніе небесное да снисдетъ на тебя, дражайшая дщерь сердца моего!

Кровь моя совершенно унялась, и я чувствую что сила, начало жизни, во мнѣ обновляется. И такъ не тревожся, любезная моя Элиза: — мнѣ лучше, право лучше. — Я поѣлъ съ аппетишомъ, и пишу къ тебѣ съ радостію, происпекающею отъ пророческаго предчувсвованія, что все окончится къ удовольствію душъ нашихъ. Почерпай надежное утѣшеніе изъ сей мысли, которую ты такъ искусно изобразила — что Существо всеблагое не можетъ совокупить такую цѣпь приключеній, единсвенно въ намѣреніи учинить несчастною на вѣкъ бѣдную шварь его. — Примѣчаніе справедливое, праведное и тонко изображенное. — Я желаю, чтобъ оно никогда не выходило у меня изъ памяти. — Элиза! кто научилъ тебя писать столь прогашельно? Ты пріобрѣла въ томъ такое искусство, что невозможно до тебя достигнуть. — Когда я обѣдняю, и худое мое здорье не позволишь работать уму моему: тогда я могу напечатать

твоеи письма, какъ Опыты несчастной Индіянки. — Спиль ихъ совсѣмъ новый, и одинъ онъ можетъ служить надежнымъ ручательствомъ въ разходѣ сей книги: — а пріятныя и легкія выраженія, тонкія мысли, въ нихъ заключающіяся, и сладкая меланхолія, кошорую они наводяшъ, не могутъ, мнѣ кажется, сравниться ни съ чьими на здѣшнемъ полушарѣ, ниже—смѣю я сказать— съ выраженіями, мыслями, чувствованіями какой либо женщины изъ твоихъ одоземокъ. — Я показывалъ письмо твое (*) гжѣ. Б — и болшей части нашихъ писателей — ты не должна на меня за это сердиться, намѣреніе мое было чистое — и ты не можешь себѣ предсавить, сколько я шѣмъ пріобрѣлъ тебѣ почиателей! — Я всѣо дивлюсь, когда подумаю: какъ ты могла пріобрѣсть столько пріятствъ, доброты и совершенства! — Такъ

Часть III. Г

(*) Сего письма не отыскалось.

постоянна! такъ нѣжна! такъ благовоспианна! — О! нашура спаралась объ тебѣ съ особеннымъ раченіемъ; ибо ты — и это не въ моихъ глазахъ только — лучшее и прекраснѣйшее изъ ея твореній.

И такъ это послѣднее письмо ты отъ меня получишь; я видѣлъ въ вѣдомостяхъ, что *Графъ Татамъ* (*) вошелъ въ Дюны, и я думаю, что вѣшеръ вамъ благопріятенъ. — Когда такъ; по прими отъ меня послѣднее прощаніе, небесная женщина! — Помни меня. — Ты знаешь, сколько я тебя почишаю, и съ какою горячностію люблю: прощай, прощай; — и съ симъ словомъ позволь мнѣ предписатьъ тебѣ еще правило твоего поведенія, которое ты слыхала отъ меня подъ тысячью разныхъ выраженій; — шеперь я заключаю оное въ одномъ семъ словѣ: „почишай себя.“ — Еще разъ прости. — Элиза! да никакая скорбь душевная, или шѣлесная, не нала-

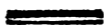
(*) Имя корабля, на кошоромъ поѣхала Элиза.

гаешъ морщины на лицѣ швоемъ, до шѣхъ поръ, какъ я опять его увижу; да никогда сомнѣнїе не возмушитъ свѣшлости души швоей и не возбудишь грустной мысли объ дѣшяхъ швоихъ — ибо они суть Йориковы; — а Йорикъ швой другъ на вѣки. —
 Прости, прости, прости.

П. П. Вспомни, что надежда сокращаетъ и услаждаетъ всѣ горести. — И такъ всякое ушро, прорснувшись, пой, пой, прошу я тебя, съ благоговѣйнымъ жаромъ, какъ бы ты пѣла духовную пѣснь, оду мою къ *Надеждѣ*, и ты сядешь за зашракъ швой съ меньшею грустью.

Благополучїе, спокойствїе и сама Гигея (*) да послѣдуютъ за шобою въ пушешествїи швоемъ Да возвращишься скоро съ миромъ и изобилїемъ озаришь мракъ, въ которомъ я провождаю буду дни мои. —
 Послѣднїй оплакиваю я швою поше-

(*) Богиня здравїя.

рю, чшобы первому срѣшнить тебя радосшно при швоемъ возвращеніи — Прощай.

П И С Ъ М О ХХІІ.

Элиза къ Йорику.

Мой Браминъ.

Эшо послѣднее письмо вы отъ меня получише, пока я вижу еще берегъ Англїи, — оспрова благошворительности и вольности; оспрова — я говорю шо къ чести его — давшего жизнь моему Йорику.

Какъ я испугалась при первомъ словѣ вашего письма! болѣзнь ваша произвела во мнѣ живѣйшее соболѣзнованїе.

Кровяной сосудъ прорвался у шебя въ груди — ахъ! кровь у меня закипѣла въ жилахъ и сперлась у сердца, какъ я шо прочла.

Ахъ! для чего плашки шѣ, которые дала я шебѣ, не имѣли превосходной силы надъ швоею болѣзнію! — Я обрадовалась, какъ прочитала, что ты уснулъ — но эшотѣ

сонъ! — Боже! не дай, чтобы онъ былъ пророчесшвенный, и сохрани меня отъ горесшной должности при-сушсшвовашъ при его собышїи.

Слезы швои сохраню я въ кри-спальномъ сосудѣ — я буду пла-кашь за шебя, и сїи слезы будущъ швои, пошому что онъ вмѣсно ше-б будущъ пролишы.

Воображенїе швое проникло въ мысли и въ чувсшвія мои: — оно видѣло меня шочно шакою, какъ бы я была, есшльибъ при шебѣ находи-лась. — Я обняла бы швои колѣна, я бы сжала ихъ моими руками, и взоры мои искали бы ушѣшишь ше-бя; — ибо я моглабъ шолько гля-дѣшь на шебя; а говоришь не до-сшало бы силъ у меня.

Я соединяю мое благословенїе съ швоимъ надъ швоею усыновленною дочерью — нашею Лидїею.

Да прославлено будетъ во вѣки шо благодѣшельное Сущесшво, кошо-рое излечило болѣзнь швою и осша-новило кровь; — кошорое оживи-ло въ груди швоей источники жизни.

Такъ, я надѣюсь, все окончится къ удовольствію двухъ нашихъ душъ. — Я не хочу; нѣтъ, и не могу сомнѣваться о благости, о премудрости даровавшаго бытіе тебѣ.

И ты спрашиваешь меня: кто научилъ меня искусству писать? — Мой Йорикъ. — Естьли Элиза имѣешь какое достоинство; естьли слоги ея имѣютъ какую пріятность; естьли строки ея текутъ съ легкою свободою — похвала тебѣ принадлежитъ; она принадлежитъ тебѣ совершенно.

Я прилагаю всевозможное стараніе занять отъ тебя мысли свои — твой образъ письма — выборъ и тонкость твоихъ изясненій. — Когда я брала перо въ руки, то всегда хотѣла быть Йорикомъ.

Однакожъ мнѣ надо побранить тебя; — надобно, любезный мой Йорикъ, за то, что ты показывалъ мои письма — Какъ не бранить тебя, когда ты такимъ образомъ вы-

спавляешь на свѣшѣ слабости Элизины?

Она разкрываетъ тебѣ свое сердце; она оставляетъ его открытымъ предъ обою: но она не хотѣла бы, чтобы оно было такимъ образомъ показываемо безъ покрывки во всей его открытости. — Безъ всякихъ прикрасъ даешь она волю бродить своему перу; а не всѣ, любезный Иорикъ, такъ благорасположены, какъ ты.

Ты говоришь, что они удивлялись. — Пустая лесть — похвалы ихъ лживы — Они тебѣ ихъ изъявляютъ: они видятъ тебя слѣпымъ къ моимъ недоспашкамъ; они открыли свое крайнее предубѣжденіе ко всему, что отъ меня происходитъ, и не хотятъ тебя потревожить въ своихъ грѣзахъ. — Тебѣ это они удивляются, тебя уважаютъ: — станутъ ли они спорить противъ тебя? — Почтеніе къ Иорикъ производитъ похвалы, приписываемыя слабому достоинству его Элизы.

Мы въ Дюнахъ — вѣшеръ благопріятный — онъ возвѣщаетъ, что въ ночь пустимся мы въ море — Капишанъ приходилъ по объявиль мнѣ — Оспающіяся минушы провожу я въ изліяніи души моей въ нѣдро швое — Проси, наипочтеннѣйшій человекъ. — Твореніе доброе, чувствительное — прости! — Я буду чпить память швою. — Ты всегда будешь со мною. Почтеніе мое опвѣштвуетъ швоему. Я люблю тебя съ равною горячностью — да будетъ Элиза всегда мила сердцу швоему!

Я буду почищать себя изъ любви къ Йорикку — къ Йорикку моему, который пребудетъ другомъ моимъ на всю жизнь.

Всякое утро буду пѣть пѣснь швою *Надежда* — и однакожъ всю буду плакать о нашемъ разлученіи — Проси, мой Браминъ, мой вѣрный Маншоръ, прости.

Благоденствіе да будетъ спутникомъ швоимъ и миръ да увѣнчаетъ дни швои! вотъ желаніе швоего

вѣчнаго друга, Элизы. — Прощай, прощай.

П. П. Я опишу съ первымъ кораблемъ, который пойдетъ въ Англию. — Я употреблю всѣ старанія, чтобы писать къ тебѣ. Прости.

К О Н Е Ц Ъ.

Книги, продающіяся въ госпи-
номъ дворѣ, въ суконной линіи у
воропъ, въ книжной лавкѣ, подь
№ 16, у книгопродавца *Василья*
Соликова.

Ал - Коранъ Магомешовъ, съ изъясни-
тельными и историческими примѣчаніями,
и съ пріобщеніемъ житія Магомешова, пе-
реведенный съ Англискаго языка на Россій-
ской Алексѣемъ Колмаковымъ, 2 ч. въ 8,
1792 г. 5 руб. въ пер. 5 р. 80 к.

Гонзальвъ Кордуанскій, Поэма, новое
твореніе г. Флоріана, сочинителя Нумы
Помпиля, 2 ч. 1793, въ 8. 2 р. въ пер. 2 р.
40 к.

Новая Элоиза, сочиненіе Женевскаго граж-
данина г. Ж. Ж. Руссо, 2 ч. 2. р. 60 к. въ
пер. 3 р. 20 коп.

Странствованіе Россійскаго купца Ше-
лехова по восточному Океану, съ описані-
емъ новообрѣшенныхъ имъ острововъ, 2 ч.
съ каршою, 1 р. 20 к. въ бум.

Достопамятная жизнь *Дѣвицы Клари-
сы Гарловъ*, истинная повѣсть, Англиское
сочиненіе г. Ричардсона, 6 ч. 7 р. 25 к. въ
пер. 9 р. 10 к.

Новой и совершенной Руской садовникъ,
или подробное наставленіе о разведеніи,
содержаніи и украшеніи садовъ, и проч. 2 ч.
1793 г. 2 р. въ пер. 2 р. 40 к.

Странныя и чудныя приключенія
славнаго рыцаря *Донъ Кишота*, Испанское
сочиненіе, 2 ч. 2 р. въ пер. 2 р. 30 к.